

КЛАССИК ИСЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ТУРГЕНЕВЕ

Сообщение И. В. Дмоховской

3 ноября 1883 г. в рейкьявикской газете «Сюдри» (Sudri) появилась статья, озаглавленная «Иван Тургенев». Ее автором был известный писатель, основоположник реалистического направления в литературе Исландии Гестюр Паульссон (1852—1891)¹. Паульссон семь лет (1875—1882) провел в Копенгагене; его пребывание там совпало с периодом огромной популярности Тургенева в Дании. В среде исландцев, обучавшихся в ту пору в Копенгагенском университете, существовал интерес к творчеству Тургенева: в издававшемся друзьями и единомышленниками Паульссона, будущими исландскими писателями Ханнесом Хафстейном (1861—1922), Эйваром Хьорлейфссоном Квараном (1859—1938) и Бертелем Торлейфссоном (1857—1900), журнале «Хеймдатлур» (1884) среди произведений преимущественно скандинавских авторов печатались и переводы сочинений Тургенева². Возможно, они были сделаны самим Паульссоном. Есть сведения, что он перевел (разумеется, с датского или немецкого текста) несколько рассказов Тургенева³.

Как известно, Тургенев оказал большое влияние на датскую литературу 70—80-х годов⁴. По мнению некоторых исследователей, этого влияния не избежал и Паульссон. «Выбор материала и его воплощение несколько напоминает Тургенева», — пишет о Паульссоне литературовед Б. Гисласон⁵. Известный историк исландской литературы С. Эйнарссон называет Тургенева в числе авторов, сыгравших значительную роль в формировании Паульссона как писателя. «Его понимание природы как могучего божества, перед которым человек беспомощен, согласуется со взглядами Тургенева, как Паульссон понимал их», — отмечает Эйнарссон⁶. В качестве примера приводится рассказ Паульссона «Рулевой Сигурд»⁷.

Все это говорит о том, что статья была написана человеком, знавшим и любившим творчество Тургенева.

Основным источником для статьи послужил очерк Георга Брандеса о Тургеневе⁸. Приводим ее текст:

ИВАН ТУРГЕНЕВ *

(9 ноября 1818—4 сентября 1883)⁹

Утром 5 сентября весь культурный мир облетела весть о смерти величайшего русского писателя Тургенева. Это сообщение не оказалось неожиданным, так как было известно, что в последние годы он страдал тяжелой болезнью.

Тургенев — выходец из старинного дворянского рода, давшего России немало славных имен. Сам писатель был богатым человеком, ему принадлежали обширные земельные владения.

* Перевод с исландского И. В. Дмоховской.

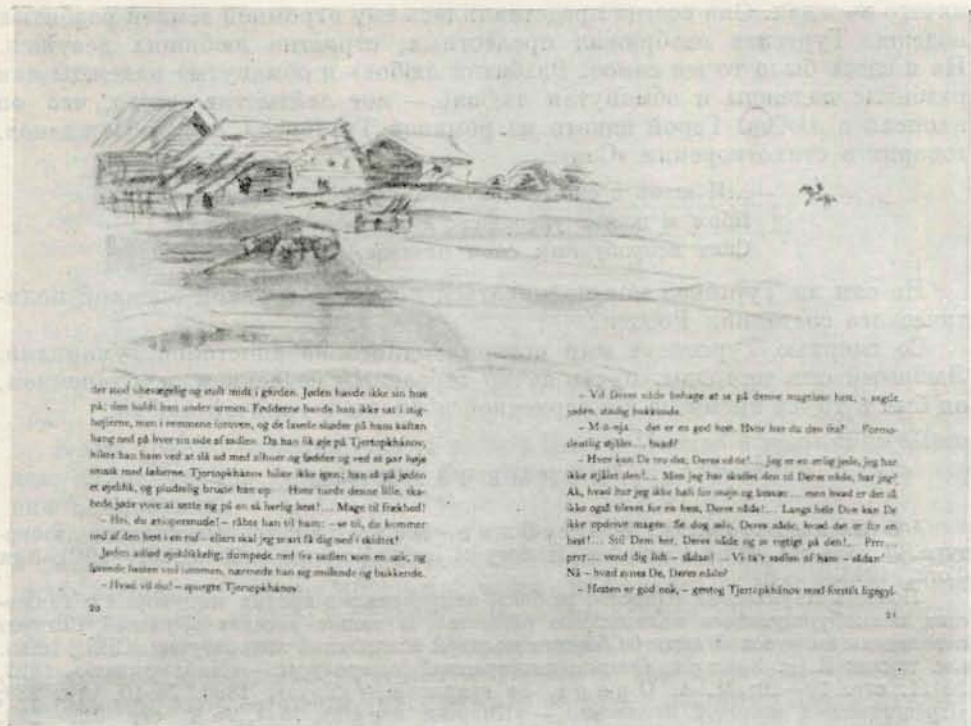
Еще в юношеские годы проявились его гуманность и свободолюбие. Едва он достиг совершеннолетия, как власти обратили внимание на его либерализм и мягкое обращение с крепостными, и царь Николай, не одобрявший подобных причуд, в 1852 году выслал его из Петербурга в самую глушь России. Любимым занятием Тургенева в ссылке была охота; во время своих охотничьих прогулок писатель мог общаться с простыми людьми, не знавшими его, и таким образом знакомиться с жизнью народа.

Вскоре после окончания срока ссылки (Тургеневу было тогда 36 лет)¹⁰ он уехал за границу и с тех пор только время от времени приезжал в Россию. Жил он в основном в Париже, иногда в Германии — чаще всего в Баден-Бадене, всюду сопровождая свою любимую, г-жу Гарсиа, которой известный французский поэт Альфред де Мюссе посвятил немало стихотворений. Тургенев был достаточно богат, чтобы жить там, где ему хотелось. Все величайшие достижения культуры и искусства Европы были ему открыты. К тому же он сам обладал столь развитым и острым интеллектом, что без труда отбирал из множества впечатлений то, что было наиболее ценным для формирования его поэтического таланта.

Тургенев писал на своем родном языке, русском, но его творчество доступно не только соотечественникам писателя. Его произведения переведены на все европейские языки, кроме исландского *. Образованный мир знает Тургенева только по переводам, но тем не менее он считается одним из величайших писателей нашего времени. Если учесть, что многие прекрасные поэтические места в его произведениях неизбежно теряют свою первоначальную гармонию, переходя из перевода в перевод, в то время как для писателя так много значит язык, вернее сказать, стиль, нельзя не удивляться тому, сколь велика слава Тургенева у всех культурных наций. И это можно объяснить лишь совершенством его мастерства, блещущего в любом переводе.

Тургенев писал исключительно на русском материале, все его основные персонажи русские, и действие в его произведениях происходит чаще всего в России. Он показал все классы России, от крепостных до дворян, но первым своим долгом считал защиту слабых и угнетенных, обличение жестокой несправедливости и закоренелых предрассудков. Именно во многом благодаря его творчеству царь Александр II освободил крестьян от крепостного гнета¹². Тургенев прекрасно изобразил быт русских поместий — он был по собственному опыту знаком с образом жизни высших классов страны. Но лучшие страницы книг Тургенева посвящены другому — бескрайним, полным мертвого спокойствия лесам и неизмеримым диким степям России. Здесь истинное вдохновение осеняет его, здесь он в своей стихии. И это как нельзя лучше согласуется с его меланхолическим характером и склонностью к одиночеству. Он редко бывал счастлив с людьми; они казались ему неискренними и слабыми существами, героями на словах и трусами на деле. Оставаясь наедине с природой, он словно освобождался от кошмара. Рев бури, ломающей холодными руками миллионы деревьев, был ему приятнее трескотни полоумных, вообразивших, что шумом и криком можно залечить зияющие раны великой России. Эти люди сами не знали, чего хотят, обычно они желали сегодня одного, завтра другого, а если и были у них какие-то туманные замыслы, то не хватало сил для их осуществления. Природа же не меняется, она всегда постоянна и всегда верна себе. Меланхолия Тургенева, глубокая скорбь, бросающая мрачную тень на весь его жизненный путь и все его творчество, возможно, и вызвана его уверенностью в том, что прекраснейшие идеалы, справедливость, разум,

* Вильгельм Мёллер перевел многие произведения Тургенева на датский язык. Это хорошие, тщательно сделанные переводы. Важнейшие из них — «Записки охотника», «Вешние воды», «Отцы и дети», «Новь» и др. — *Прим. Паульссона*¹¹.

der med ubæjgelig og stolt midt i gården. Jorden havde ikke sin hest på den balti hest under armen. Fæderse havde han ikke sat i stig-højterne, men i remmene i jorden, og de lavste stude på hans kalfen hang ned på hver sin side af sadlen. Da han så gik på Tjertophánovs, hilste han ham ved at stå ud med albuer og fødder og ved at gøre høje smæk med læderne. Tjertophánovs hilste ikke igen; han så på jorden et øjeblik, og pludselig brødte han op: — Hvor tørde denne lille, skæbende jøde yve at sætte sig på en så hellig hest! — Måge til frækhed!

— Høi, du ærgerrude! — råbte han til ham: — se til, du kommer ned af den hest i en tid — ellers skal jeg snart få dig ned i skidtet!

Jedens alind øjeblikkelig, dampede ned fra sadlen som en ask, og fæmde hesten ned sammen, nærmeste han sig modhinde og bukkende.

— Hvad vil du! — spurgte Tjertophánov.

— Vil Jorden vilde behage at se på denne magiske hest, — sagde jøden, stadig bukkende.

— Må-ja, — det er en god hest. Hvor har du den fra? — Foru-ventligt øjeblik! — hænd!

— Hvor kan De tro det, Deres edle! — Jeg er en ærlig jøde, jeg har ikke øjeblik det! — Men jeg har skaffet den til Deres skide, har jeg? Ak, hvad har jeg ikke haft for magt og kunnat! — men hvad er det så ikke opå tilsat for en hest, Deres skide! — Læng hede Den kan De ikke opføre magt. Se dog selv, Deres skide, hvad det er for en hest! — Stil Dem her, Deres skide og se retligt på den! — Per-pret! — vend dig lidt — skide! — Vi ta' sadlen af ham — skide!

Ni — hvad synes De, Deres skide?

— Hesten er god nok, — gentog Tjertophánov med fasttålmodig.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «КОНЕЦ ЧЕРТОПХАНОВА»

Литография с рисунка датского художника Палле Пию

Из книги: «Уван Тургенев. Tjertophánovs endeligt». København, 1965

доброта и всеобщее счастье не имеют никакого значения в мире природы. А раз так, то не остается ничего другого, как считать все это миражем, дымом и обратиться к природе — она лишь одна реальна и обладает настоящими ценностями.

Тургенев, несомненно, был реалистом, когда в соответствии со своим характером и взглядами на жизнь изображал мир природы как нечто единственно реальное и верное себе. Он был одним из виднейших вождей реализма. И ему никогда не случалось спотыкаться у того порога, который так часто не могли одолеть другие писатели реалистического направления. Иные из них охотно и многословно описывали безобразное в мире природы, забывая о том, что эти описания лишь тогда становятся достоянием литературы, когда, будучи совершенно правдивыми, несут на себе отпечаток поэтического гения. Этим искусством Тургенев владел в высшей степени. Едва ли найдется художник, который лучше его мог бы найти для всего свое слово. Поэтому нас так и огорчает то, что мы не можем прочесть Тургенева в подлиннике.

Уже говорилось, что Тургеневу была свойственна глубокая меланхолия. Как-то в Париже во время дружеского обеда он сказал такие слова:

«В комнате иногда бывает едва заметный запах мускуса, который никак нельзя выветрить, истребить... Ну вот, так и вокруг меня есть какой-то запах смерти, уничтожения, разложения».

Ничто, может быть, не объяснит нам характера Тургенева лучше, чем эти несколько слов. В конечном счете великий русский писатель мало во что верил и мало на что надеялся. Во всяком случае от России он

ничего не ждал. Она всегда представлялась ему огромной землей разбитых надежд. Тургенев изображал прелестных, страстно любящих девушек. Но и здесь было то же самое. Разбитая любовь и обманутые надежды или разбитые надежды и обманутая любовь,— вот лейтмотив всего, что он написал о любви. Герой одного из романов Тургенева, некто Нежданов, говорит в стихотворении «Сон»:

...И штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая.

Не сам ли Тургенев мог подписаться под этой горькой оценкой политического состояния России?

Со смертью Тургенева мир потерял одного из апостолов гуманизма. Любимый сын природы, пусть вечно терзаемый безверием и сомнением, он был в то же время полон сердечной доброты и горячей любви.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ О Паульссоне см.: М. И. Стеблин-Каменский. Исландская литература. Л., 1947; S. Einarsson. History of Icelandic prose writers 1800—1940. New York, 1948.

Повесть Паульссона «Царство любви», направленная против лицемерия и ханжества мелкобуржуазного исландского общества, а также рассказ «Рулевой Сигурд» переведены на русский язык («Сборник молодой исландской литературы». СПб., 1909). См. также: В. Р. Зотов. Очерки иностранной литературы. — «Наблюдатель», 1893, № 11, стр. 19—20; М. А. Орлов. За границей. — «Труд», 1893, № 10, стр. 239; «Представитель молодой Исландии». — «Книжки недели», 1894, № 1, стр. 229—230.

² S. Einarsson. A history of Icelandic literature. New York, 1957, p. 251.

³ S. Einarsson. History of Icelandic prose writers 1800—1940, p. 77. — Названия этих рассказов не указаны.

⁴ К. Ф. Тиандер. Датско-русские исследования, вып. II. СПб., 1913 (Записки историко-филологического фак-та Петербургского ун-та, ч. 113).

⁵ B. Gislason. Islands litteratur efter sagatiden. Kjøbenhavn, 1949, s. 47.

⁶ S. Einarsson. History of Icelandic prose writers 1800—1940, p. 77.

⁷ Установить, насколько Тургенев повлиял на творчество Паульссона и в чем именно проявилось это влияние, пока не представляется возможным, так как в книгохранилищах СССР нет текстов его произведений.

⁸ G. Brandes. Litterære Indtryk. — In: Indtryk fra Rusland. Kjøbenhavn, 1888, s. 366—406. Русский перевод: Г. Брандес. Собрание сочинений в 12-ти томах, т. VI. Киев, 1902, стр. 135—153.

В Копенгагене Паульссон слушал лекции Брандеса, лично общался с ним и впоследствии всю жизнь оставался убежденным защитником его идей.

⁹ Дата смерти Тургенева указана ошибочно: Тургенев умер 22 августа/3 сентября 1883 г.

¹⁰ Здесь Паульссон, вслед за Брандесом, допускает неточность. Тургенев уехал за границу более чем через два года после возвращения из ссылки, в возрасте 37 лет.

¹¹ Список переводов Тургенева на датский язык приведен в указ. работе К. Ф. Тиандера, стр. 279—280.

¹² Об этом см. в настоящ. томе, стр. 276, прим. 19.